

Университет Сяньлянь, также известный как Объединенный университет культивации, был основан по инициативе Лиги. Всего в мире насчитывалось пять подобных заведений, созданных исключительно ради обучения и воспитания молодого поколения практиков. Выпускники этих стен неизменно обретали громкую славу: одни вступали в ряды Сяньлянь, другие возвращались на службу в свои кланы и организации. Статус элитнейшего учебного заведения планеты говорил сам за себя — каждый, кому удавалось получить здесь диплом, становился признанным лидером среди сверстников.

Вот только Бай Чжу не горел желанием становиться элитой и уж тем более выпускаться. Слишком много мороки. Но делать было нечего: раз уж он занял тело Бай Чэнцзюня, приходилось подчиняться решениям семьи Бай. Сам Чэнцзюнь являлся обычным человеком, а потому стандартная программа обучения культиваторов ему не подходила. Его должны были зачислить в особый класс. Проще говоря, этот класс служил отстойником для таких же, как он — бездарей, обделенных духовной силой, которых сплавляли сюда влиятельные организации со всего света.

Перед самым отъездом Бай Цзинье договорился встретиться с ним на площади и передал пространственный мешочек для вещей. Бай Чжу прибыл в этот мир совсем недавно, обзавестись скарбом не успел, так что внутрь полетели лишь несколько сменных комплектов одежды да предметы первой необходимости. На столе сиротливо лежал Одиноким взгляд, бережно обмотанный золотой лентой. Немного подумав, Бай Чжу закрепил клинок за спиной, запер дверь и покинул домик.

На площади уже толпилась молодежь из клана Бай. Сила всегда притягивает людей, так что Бай Чжу без труда заметил Бай Цзинье, окруженного плотным кольцом сверстников.

Тот тоже заприметил его и приветственно махнул рукой:

— Бай Чэнцзюнь, сюда!

Шум на площади мгновенно стих. Толпа расступилась. Под прицелом десятков двусмысленных, колющих взглядов Бай Чжу неторопливо направился к кузену. Бай Цзинье протянул ему пластиковую карточку и, мазнув пренебрежительным взглядом по притихшим родственникам, громко бросил:

— Не обращай внимания. У этих олухов все мозги ушли в тренировки.

Он намеренно не стал понижать голос, отчего лица собравшихся заметно скисли, и они поспешили отвернуться.

Бай Чжу пропустил колкость мимо ушей и принялся изучать карточку. Она походила на обычный студенческий билет: имя, фамилия и снимок. Фотографировали, судя по всему, еще прежнего владельца тела — парень на нем выглядел испуганным, а его взгляд казался совершенно пустым.

— В Университете Сяньлянь такая карта есть у каждого, — пояснил Бай Цзинье. — Она служит пропуском, и на нее же начисляются баллы за испытания... Ты чего так позеленел, будто тебя сейчас вырвет?

— Пустяки. Просто у меня аллергия на слово «баллы», — Бай Чжу быстро вернул лицу бесстрастное выражение и огляделся. — Зачем нас собрали на площади?

— В университете учится вся молодая поросль культиваторов — по сути, будущая элита нашего мира. В целях безопасности координаты школы держат в строжайшем секрете, даже мы не знаем, где именно она находится. В первый день учебы преподаватели активируют портал прямо у изваяния Предка Бай. Массив этот непростой: пропустить он может лишь тех, у кого при себе есть студенческий. Остальных забросит бог весть куда. Так что ждем, скоро должны открыть.

Спустя пару минут пространство перед статуей озарилось ослепительной вспышкой. Прямо в воздухе медленно развернулся лазурный вихрь портала. Из мерцающего марева вышел мужчина в боевом снаряжении с вышитым на груди традиционным иероглифом «Хуася». На его лице играла приветливая улыбка:

— Приветствую вас, студенты. С возвращением в академию.

Вместе с остальными Бай Чжу шагнул в лазурное марево. Сделав несколько шагов сквозь зыбкую пустоту коридора, он ощутил под подошвами мягкий песок — пейзаж вокруг резко переменился.

Они очутились на затерянном в бескрайних океанских просторах острове. Прямо перед ними, за колоссальной статуей Предка Бай, высился грандиозный комплекс зданий в традиционном китайском стиле. Расписные карнизы, резные колонны — масштаб филиала Хуася поражаля воображение: академия занимала целый остров. Если взглянуть на нее с высоты птичьего полета, то постройки складывались в очертания триграмм Багуа, формируя мощный естественный массив.

Весь берег пестрел лицами — сюда съехались одаренные преемники различных сект и кланов со всех уголков света. Испытания начинались уже завтра, поэтому новоприбывшие поспешили разойтись, чтобы настроиться на нужный лад и подготовиться к зачетам.

Бай Цзинье тоже не стал задерживаться. Он протянул Бай Чжу талисман связи:

— Я запечатал в нем немного духовной силы, так что даже обычный человек сможет им воспользоваться. Если что-то случится, сразу вызывай меня.

С этими словами он растворился в толпе.

— Бай Чэнцзюнь? — окликнул встречавший их преподаватель.

Бай Чжу молча кивнул.

— Иди за мной, нужно пройти регистрацию.

Бай Чжу послушно последовал за мужчиной. Куда ни глянь, повсюду сновали культиваторы. В отличие от внешнего мира, где законы строго разграничивали жизнь обычных смертных и одаренных, этот остров казался царством абсолютной свободы и хаоса.

Мимо проносились практики в самых диковинных одеждах, увешанные различным оружием. Вокруг кого-то роились светящиеся талисманы; кто-то, оседлав огромную тыкву-горлянку, пробивал себе дорогу сквозь толпу. Несколько смеющихся девушек увлеченно сплетничали, лениво покачивая шестью пушистыми лисьими хвостами. Чуть в стороне монахи, чинно усевшись прямо на обочине, монотонно бубнили сутры, окутанные мягким золотистым сиянием. Из распахнутого окна верхнего этажа выглядывала фарфоровая, похожая на куклу девочка, по щеке которой неторопливо скользила иссиня-черная змейка.

На крышах и вовсе развернулось нешуточное сражение: в снопах искр сталкивались потоки ревающего пламени, брызги воды и молнии. Очередная вспышка разнесла кусок черепицы, и тут же откуда-то снизу донесся яростный рев:

— Да твою же мать! Сколько раз повторять: прекратите крушить крыши! Живо ко мне в кабинет, писать объяснительные!

Бай Чжу лишь вздохнул, мысленно помянув местную дисциплину.

Хотя большую часть студентов составляли выходцы из Китая, здесь хватало и зарубежных гостей. Бай Чжу успел заметить парочку рослых темнокожих парней, которые приветливо улыбнулись ему во все тридцать два зуба, хоть и выглядели при этом добродушно-нелепо.

Они миновали длинную галерею, стены которой были сплошь увешаны портретами. Проводник махнул рукой на стенд:

— А это галерея наших ректоров.

— И сколько же у вас тут руководителей? — изумился Бай Чжу.

— Да нет, настоящий ректор у нас один — Чжэн Цихай. Остальные так, почетные, для солидности висят. Чтобы статус подчеркнуть.

Бай Чжу сокрушенно покачал головой.

Скользнув взглядом по рядам рам, он быстро отыскал Чжэн Цихая. Тот оказался невзрачным мужчиной средних лет с заметной родинкой между бровей, однако его аура выдавала в нем редкого мастера сферы Пован. На соседних полотнах красовались Лу Бучэнь и Му Сяо. Но

больше всего внимание Бай Чжу привлек черно-белый портрет, висевший бок о бок с Лу Бучэнем. На нем безэмоционально застыл... он сам. Внизу красовалась четкая подпись: «Бай Чжу».

Ладно еще памятники на улицах, но тащить на доску почета покойников ради престижа — это действительно верх солидности.

В кабинете куратор достал из папки бланк и протянул ему ручку:

— Поставь здесь подпись.

Бай Чжу занес перо над бумагой, но вдруг замер:

— Постойте. Разве меня не должны были зачислить в тот спецкласс для обделенных? Откуда в бланке взялась пометка о посещении лекций по теории массивов?

— Сяо Цзин уверял, что у тебя, несмотря на отсутствие дара, исключительный талант к построению массивов, — раздался от двери мягкий, благодушный голос. На пороге стоял благообразный старик с окладистой седой бородой, тепло улыбавшийся гостю. — Весь в мать. Бай Чуи вырастила достойную смену.

Бай Чжу на мгновение опешил. В его памяти всплыла сцена из недавней иллюзии: седобородый старец, парящий на мече, оглашает имя победителя состязания на столбах Дхармы. Выходит, перед ним стоял один из старейшин его собственного клана.

— Позволь представить: это старший Бай Ци, выдающийся мастер ранга А, в совершенстве овладевший как мечом, так и искусством массивов, — поспешил объяснить преподаватель. — По регламенту тебя действительно должны были отправить к остальным «особым» студентам, но господин Бай Ци, прослышав о твоём выдающемся понимании схем, лично выхлопотал для тебя право посещать его лекции.

Отказываться от столь щедрого жеста было бы глупо, и Бай Чжу вежливо поклонился:

— Рад встрече, старший Бай Ци.

— К чему этот официоз? — старик благодушно погладил бороду. — Мы ведь из одной семьи. Зови меня просто прадедушкой, как и Сяо Цзин. Я, считай, твою мать с пеленок знаю.

Бай Чжу натянул самую дежурную из своих улыбок:

— Сяо Цзин? Вы имеете в виду Бай Цзинье?

— Ну а кого же еще, — весело кивнул старик. — Жаль только, в чертежах он полный профан, иначе вы могли бы учиться вместе.

Бай Чжу мысленно возвел очи к небу.

Огромное спасибо дорогому кузену за такую трогательную заботу. И за перспективу сесть за одну парту.

Нынешний Бай Чжу не то что боевой массив развернуть — он бы и простейшую руну без запинки не начертил. К счастью, прадедущка питал к словам Бай Цзинье слепое, почти фанатичное доверие. Заставлять парня демонстрировать навыки на практике он не стал, ограничившись парой базовых вопросов по теории. Убедившись, что юноша щелкает их как орехи, старик остался полностью доволен ответами и вскоре удалился.

Закончив с бумажной волокитой, Бай Чжу отправился обустраиваться. Местные общежития состояли исключительно из одиночных комнат — чтобы никто не мешал сосредоточенной медитации. Жилье оказалось скромным, но вполне уютным. Вещей у него было кот наплакал, так что с раскладыванием багажа он управился за считанные минуты. Поскольку до вечера оставалось полно времени, он решил прогуляться по окрестностям. Но стоило ему спуститься во двор, как талисман связи, полученный от Бай Цзинье, затрепетал и вспыхнул лазурным светом:

— Ну как? Встретился с моим прадедущкой? Небось до смерти рад, что теперь будешь изучать массивы?

Бай Чжу промолчал.

«Какое, к черту, счастье»

Он невольно заскучал по прежнему Бай Цзинье. Тот хоть и ходил вечно с кислой миной, зато не создавал проблем на ровном месте.

«Если бы старший узнал, что все мои познания ограничиваются голой теорией, — подумал он с горькой усмешкой, — у бедного старика наверняка подскочило бы давление»

— Может, умеришь пыл дедули? — вздохнул в трубку Бай Чжу.

— В каком смысле? — не понял кузен.

— Посоветуй ему поберечь нервы и отказаться от столь бесперспективного ученика.

—?

— Кое-кто, я смотрю, даже с чужой помощью остается куском бесполезной грязи, который ни к какой стене не прилепишь.

Этот ядовитый, полный желчи голос бесцеремонно вклинился в разговор. Бай Чжу замер. Дорогу ему преградил пухлый парень с усыпанным веснушками лицом. Он смотрел на собеседника снизу вверх с таким откровенным презрением, что сразу становилось ясно: перед ним классический задира, созданный исключительно для того, чтобы получить на орехи в первой же сцене.

Бай Чжу мысленно выругался. С репутацией Бай Чэнцзюня глупо было рассчитывать на спокойную жизнь в месте, кишачем тщеславными подростками. И все же он не думал, что неприятности найдут его в первый же день.

Сценарий классического мордобоя обещал быть скучным до зевоты. Тратить время на препирательства не хотелось, и Бай Чжу решил срезать углы, спросив в лоб:

— Я тебе не нравлюсь?

— Еще бы! С какой стати мне должен нравиться жалкий слабак, лишенный и капли духовной силы, который к тому же смеет игнорировать мое присутствие? Ты вообще знаешь, с кем разговариваешь? Я Чжао Цянь, лучший и самый одаренный ученик старшего Бай Ци! А ты всего лишь...

— Одноклассник Чжао Цянь, — мягко перебил его Бай Чжу. — Дай угадаю. Сейчас ты планировал сказать что-то вроде: «Такое ничтожество, как ты, не имеет права даже смотреть в сторону священного искусства массивов. Немедленно убирайся отсюда, падай на колени и проси прощения за то, что посмел пролезть сюда по блату». Верно?

Чжао Цянь выпучил глаза, ошарашенно захлопав ресницами.

— И это еще не все, — Бай Чжу небрежно щелкнул пальцами. — Если я посмею возразить, ты применишь свои хваленые техники и устроишь показательную порку простому смертному, дабы проучить наглеца. А после заставишь меня со слезами на глазах признать собственную никчемность и с позором бежать из академии.

— Предлагаю опустить эту нудную прелюдию. Давай сразу к делу — бей.

Чжао Цянь окончательно лишился дара речи.

<http://bllate.org/book/19968/2001375>